

он хорошо отражает суть происходящего³⁷. Мы все передаем объекты остывающего желания и в результате разогреваем его и себя заодно. Сама передача дара с его тактильностью похожа на прямой массаж сердца, который невозможно сделать исключительно по сети. Это какая-то странная неотрелексирированная стратегия спасения, которая позволяет сохранить жизненно важные для современного человека вещи. Дарудар — сообщество реаниматологов социальной маны.

* * *

Замысел данной статьи возник под непосредственным влиянием обсуждения с Натальей Леонидовной Соколовой феноменов и тенденций современной цифровой культуры. Авторы безмерно сожалеют, что статья увидит свет после ухода Натальи Леонидовны из жизни и диалог по многим вопросам так и останется незавершенным...

маниакальное коллекционирование своего частного мирка; смерть призвана стать последним предметом коллекции и, вместо того, чтобы пронзить собой нашу инертность как единственно возможное событие, сама должна включиться в игру накопления вещей и управления вещами» (*Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. С. 310).

Простое

I

Все, что подвержено изменениям, сложно. Простое неизменно.

* * *

Мы живем в мире *объектов*. Все в этом мире где-нибудь и когда-нибудь возникает, взаимодействует со средой, устаревает, изнашивается и разрушается.

То, что первоначально казалось сложным, позже предстает как простое. *Простым* является вот *это* (расположенное прямо перед нами) устройство, по своим функциям, составу, способу взаимодействия частей менее сложное по сравнению с другими. Будучи *простым* в одном отношении (например, с точки зрения выполняемых функций и структуры), оно может быть *сложным* в чем-то ином — истории его создания и эксплуатации.

Простых *объектов* не бывает. Сложность *объектов* связана с их пространственно-временными характеристиками.

* * *

Кант считал пространство и время субъективными условиями (априорными формами чувственности), присущими человеческому сознанию и организующими восприятие объектов с точки зрения их расположенности и изменчивости. Пространство и время не атрибуты реальности, а свойства *сознания* реальности. Если предположение Канта верно, то *сложность* объектов связана с трудностями их восприятия человеком. Истина проста, но сложен путь к ней.

Стало быть, *простым* называют не объект, а верное, адекватное *знание* о нем: мы имеем представление о принципах работы некоего устройства и знаем, *что* со всем этим делать. Простой объект — это объект *знакомый*, приближенный к нам, освоенный и присвоенный: он часть *нашей* истории. Чем больше узнаваемых объектов окружают человека, тем уверенней и спокойнее ощущает он себя в мире. Какая наивность! Стоит некой вещи всего на пару минут выпасть из

нашей истории («Куда это она запропастилась?») — волна непредвиденных сложностей накрывает нас с головой: *как и что* теперь делать?

Знание не упрощает отношения с объектами, а привязывает к ним — теперь и без *этого* объекта нам не обойтись («Удобная все же вещь — смартфон!»).

* * *

Поскольку объекты (для нас) не существуют вне сознания, термин *объект* равнозначен термину *объективация*.

Основу объективации составляют память и рефлексия. Знание объекта есть то, что мы помним о нем. Это содержание (сознания) может быть объективировано и осмыслено посредством рефлексии.

Рефлексия без памяти *пуста*, а память без рефлексии *слеп*.

* * *

Подлинно *простое* находится за пределами мира объектов; оно «принадлежит» сознанию, но не является его содержанием. *Простое* — само сознание, которое (как целое) не может быть объективировано.

Простое непознаваемо.

* * *

Привычное: сознание — отражение существования множества объектов.

Непривычное: объекты — отражение существования одного сознания.

Видимый мир многообразен и потому сложен. Основа мира одна и потому проста. Одно проще многого.

* * *

Простое реализуемо через соприкосновение с ним.

Реализация — не познание, а бытие *простым*. Один должен стать Одним.

II

Может ли сложное — человек — прикоснуться к простому? Да, если сложное соприкасается с *простым* через *уподобление* ему.

Суть уподобления: не-действие.

* * *

Человек отождествлен с объектами и связан ими. Все действия человека — действия с объектами (принцип реальности). Все знания — знание объектов, действительных или воображаемых (принцип предметности). Центр этого отождествления — феноменальное *я*, сотканное из материала психических, социальных, духовных и прочих объективаций (принцип индивидуальности).

Человек — субъект своих действий. Он поступает намеренно, учитывая ситуацию, в которой находится здесь и сейчас, или аффективно, но всегда с отнесением к себе — это зона *моей* ответственности; это *мне* сейчас плохо. Не-действие — спонтанное оставление объектного *я*, разрушение принципа индивидуальности, структурирующего наше сознание. Нет *я* — нет *моих* действий. Возможно действие без действующего.

Принцип реальности и принцип предметности всего лишь *принципы*, то есть интеллектуальные установки; они исчезают вместе с крушением принципа индивидуальности.

* * *

Мое действие сложно. Действие без меня просто.

Действие предполагает «смысл»: цели, задачи, мотивы, проекты, планы, учет текущей ситуации, последствий, продуманный подбор средств, в общем, действие требует *деятеля*, коллективного или индивидуального, который придает смысл действиям.

Не-действие — действие, лишенное смысла.

Бессмысленные действия называют *глупостью*. Глупо действовать и не достигать результата. Глупо быть неуместным, не видеть значимое, поступать «как все».

Не-действие — бессмысленное действие, достигающее результата без стремления к нему; действие, позволяющее быть уместным, не опираясь на *существенное*. Не-действие исключает смыслы, которые формирует деятель.

Можно достичь цели, не поставив ее, и найти подходящие средства решения проблемы, не занимаясь их поиском. Неужели это не проще? Верх глупости — *всегда* действовать, полагаясь на ум.

* * *

Когда исчезают видимые объекты, остается *один* видящий — прибежище *всего* видимого.

Не-действие — видение без образов, проявление *одного* видящего.

Когда исчезают мыслимые объекты, остается *один* мыслящий — прибежище *всех* мыслей.

Не-действие — понимание без необходимости думать мысли, проявление *одного* понимающего.

Не-действие — уместное действие, совершаемое спонтанно, без обращения к уму.

III

В феноменальном *я* следует различать «плоть» — проявленное, конкретные мысли: желания, чувства, фантазии, и «дух» — предполагаемое, собственно принцип индивидуальности: установки, формирующие потоки мыслей.

Одна мысль может служить основанием для другой мысли: я считаю нужным делать это, потому что поступать так, с моей точки зрения, *правильно*. Мысль о должном определяет иную мысль — конкретное желание. Мысль, выступающую основанием для прочих мыслей, можно назвать *установочной*.

В качестве *установочного основания* могут выступать коллективные или индивидуальные воззрения.

С детства человек действует, подчиняясь внушениям извне: социально-значимым правилам, идеологическим программам, культурным кодам, стереотипам, моде. Усваивая и перерабатывая внушенное, он создает *свое* воззрение на мир. Так появляются убеждения.

Установочные основания, имеющие форму коллективных воззрений или индивидуальных убеждений, рефлексивны: они непременно кем-то созданы, осмыслены, приняты или отброшены.

Основная функция принципа индивидуальности охранительная: воспроизведение (повторение) имеющихся мыслей, поддерживающих иллюзию гармонии с самим собой и миром.

Феноменальное *я* — всего лишь установочная мысль, утверждающая единство ряда повторяющихся мыслей.

* * *

Вместе с обрушением установочного основания приходит понимание иллюзорности объектного мира — все это непрочно, преходяще, вторично. Где-то должно быть основание всех оснований, никем не установленное.

Простое не может быть чужой или своей мыслью. *Простое* вообще не мысль.

Простое не является установочным основанием для всего, основанием оснований. В противном случае, *простое*, как и все преходящее, сложно.

* * *

Ряд любимых мыслей (к ним мы возвращаемся снова и снова) образуют *эго*.

Степень привязанности человека к повторяющимся мыслям может быть разной. Термин *эго* характеризует феноменальное *я* с точки зрения высокой степени зависимости человека от определенных мыслей («Очень уж мне сладенького хочется!»).

Крушение принципа индивидуальности влечет распад *эго* — теперь нет того, кто думает мысли. Мысли просто есть. Они приходят и уходят, не находя в нас пристанища.

В таком случае что есть мы?

* * *

Есть я и Я. Кант различал характер физический, доставшийся нам от природы, и характер как образ мысли, основанный на принципах, которыми мы руководствуемся в жизни. Эти принципы и есть наши убеждения: мы сами должны их установить посредством размышления о том, что должно делать каждому из нас. Характер — это наши убеждения. Для Канта иллюзорно феноменальное *я*, но реально Я разумное.

Большинство современных социальных теорий придерживаются структурно схожих взглядов: *я* представляет собой интериоризированное Мы. Отдельное *я* иллюзорно, Мы реально.

Психоанализ лишает ценности *я* сознательное и невольно возвышает Я бессознательное.

Все названные (и многие другие) подходы исходят из допущения существования феноменального *я*, иллюзорного,

и подлинного Я, действительного субъекта всех действий и мыслей.

Подлинная природа человека может быть позитивной, как у Канта, негативной, как в психоанализе, или амбивалентной, как в современных социальных теориях. Но *простое* не может быть «хорошим», «плохим» или «амбивалентным» — все это характеристики объекта. Разумное Я, Я социальное и Я бессознательное являются такими же *объектами*, как и я феноменальное, я отдельное и я сознательное.

Можно и нужно говорить о «подлинном Я», но это Я не есть *особый* объект.

* * *

Уподобление сложного *простому* происходит в форме непреднамеренного сдвига от феноменального я к Я необъективируемому.

Феноменальное я не может не действовать, его активность неизбывна. Сдвиг — опрощение объектного я, сдача всех (без исключения) форм его активности *незнаемому*. Может ли эго решиться на это? Вряд ли. Оно слишком привязано к известному. Потому сдвиг и называется *не-деянием*. Он происходит не без влияния *простого* Я — Того, кто не-действует.

* * *

Простое Я не-действует. Не может действовать то, чего «нет».

Предположим, простое Я *есть*. Тогда о нем пришлось бы говорить как о своеобразном *объекте*, который занимает все пространство. Объективация *простого* как пространства — это его усложнение. Лучше не представлять *простое*. Пусть оно «будет» отсутствием существования/несуществования, деяния/недеяния, знания/незнания, феноменального/нефеноменального и т. д.

* * *

Простое — отсутствие существования, его нет как объекта.

Простое — отсутствие несуществования, нельзя сказать, что его нет. Отрицание — всегда отрицание *наличия* каких-то свойств объекта. Отрицание неявно подразумевает утверждение. Нельзя отрицать *простое*.

И все же, отрицание больше говорит о *простом*, чем утверждение. Отрицание можно использовать в функции гуссерлианского эпохе — воздержания от указания на любое свойство — отрицаемое и противоположное отрицаемому. Говоря «нет», мы констатируем отсутствие и существования и несуществования. У *простого* нет ни одного свойства, а (как бы) имеющиеся не-свойства не подлежат отрицанию.

Простое нельзя определить, оно всегда *имеется в виду* как то, что не является *этим* и *этим*.

* * *

Простое Я не-действует: нет того, кто действует и воспринимает «его» действия. Когда мы не обнаруживаем *себя*, проявляется *простое* — думается и действуется легко.

Действий нет, есть только результат действий.

Выбора нет, есть только результат выбора.

Мысли нет, есть только понимание.

Не-действие проявляется как легкость совершаемого — свидетельство реализованного (на данное мгновение) уподобления *простому*.

* * *

Простое не-действует, его «нет» — какой в нем толк?

Что за страсть во всем искать пользу? Даже от того, чего нет, обязательно должен быть прок. Если *простого* Я нет, значит, так нужно. Значит, и в этом есть какой-то смысл — дай-те-ка я подумаю (и обязательно что-нибудь придумаю).

Но в том-то все и дело: *простое* никому ничего не дает. Скорее наоборот, оно, ни с кем не считаясь, лишает нас главного — самотождественности.

Простое — угроза для эго, поэтому оно активно обороняется: как можно жить без я? Пропаду ведь — проглотят и не подавятся! Чуть все это!

* * *

Простое — чужь, ерунда, глупость, бессмыслица, ибо оно невосприимчиво.

Но разве не радуют нас успехи друзей и близких? Разве не можем мы любить? Разве не ценим мы стоящую мысль и хорошо выполненную работу? Неужели мастерство для нас ничего не значит? Это и есть *простое*.

Все стоящее просто.

* * *

Не следует искать особенного учения или особенного понимания. Все *особенное* заметно и потому сложно.

* * *

Простое незаметно, попробуйте найти его. Нельзя увидеть то, чего «нет». Никаких откровений, всплеск света, удивительных путешествий по многочисленным мирам — все это нужно эго, которое питается деланной сложностью.

Все стоящее порождено не-действием.

Вы думаете, что это *вы* любите. Но это просто любовь — не-действие любви через вас, уподобившихся *простому*, — теперь не вы любите. Любовь просто *есть*.

Вы думаете, что это *вы* философствуете. Но это просто мысль — не-действие мысли через вас, уподобившихся *простому*, — теперь не вы философствуете. Философствование просто *есть*.

А *вас* просто нет.

* * *

Скандал! Мы потеряли достойного работника. От нас ушел (далее по усмотрению: крупный) мыслитель, (выдающийся) писатель, (мудрый) наставник. Но мы случайно узнали его тайну: оказывается, он ничего не делал, думал не сам, да и мысли записывал не свои. А с другими он разговаривал, как с чем-то в себе, всегда на разный лад, но об одном и том же. Ну, наконец-то! Покровы сброшены, разоблачение состоялось! Ушедший бежал от ответственности, личной инициативы и по старой российской привычке все норовил отдать себя чему-нибудь, надеясь, что и так пронесет. И надо сказать, это ему удалось — пронесло. Он ловко провел всех. Теперь мы понимаем: его не было. Не было мыслителя и не было наставника. Никого не было.

Все верно. Но.

Простому нельзя вручить себя по собственному соизволению. От ответственности прячется эго. Оно ищет покровителей. Эго не может отдавать, оно способно только брать. Эго хочет овладеть *простым*. И терпит крах.

Есть ли тот, кто *в полной мере* отвечает за то, что делается?

За другого человека в любви отвечает любящий, который стал любовью. Любовь отвечает за любовь.

За мысль держит ответ мыслящий, который стал созерцанием. Созерцание отвечает за созерцание.

Уподобление *простому* в не-деянии — возможность ответственно думать и говорить без отнесения какого-либо содержания к себе. В этом случае нет *моей* или *твоей* ответственности. Есть одна ответственность — ответственность *простого* перед самим собой.

IV

Уподобление *простому* — не-действие. В какой-то момент принцип индивидуальности непреднамеренно разрушается. Мы теряем себя.

С кем-то это случается. Кому-то для того, чтобы *сдвинуть* устоявшиеся основания, требуется усилие.

Спонтанному не-действию предпослано намеренное действие. Это действие со знанием, установочное упражнение.

* * *

Простое предполагает простое. Установочное упражнение не может быть сложным: оно просто для понимания, но сложно для исполнения (потому как сложно объектное *я*).

Установочное упражнение не уподобляет *простому*. Оно устанавливает нас в нужном знании.

Существует знание, в котором может отразиться истина. Это знание-приманка.

Знание-приманка не может привлечь *простое* (вожделенная цель эго), но оно опрощает феноменальное *я*, устанавливает его в понимании невозможности этого привлечения.

Знание-приманка привносит в жизнь простоту, но не *простое*.

Простое отражается в простом.

* * *

Установочное упражнение призвано поколебать наши установки — коллективные воззрения и индивидуальные убеждения. Оно не устанавливает новых оснований, но укрепляет силу нашего понимания. Есть вещи, которые мы должны знать *твердо*.

Твердые знания становятся основаниями, когда выпадают из рефлексии. Установочное упражнение пробуждает осознанность — «место», где может *случиться* понимание.

Наиболее тверды те знания, которые держатся на безосновном понимании.

Безосновное понимание — понимание без опоры на смысл, найденный нами.

* * *

Что нужно делать, если мы понимаем, что искомое недостижимо, что оно не может быть целью?

Нам остается просто жить. Это единственное, что нужно знать твердо.

* * *

Жизнь — то, что знакомо каждому до всякого знания о ней. Мы живем, когда делаем что-то со страстью. Жизнь аффективна. Кто-то живет только тогда, когда мыслит, а кто-то — когда верует. Кто-то ощущает полноту жизни, когда, покинув ненавистный офис, идет домой — туда, где его ждут, а кто-то — когда приходит на работу, он нужен там.

Страсть собирает наше внимание: мы полностью присутствуем в том, что делаем.

Присутствие в действии наполняет жизнь смыслом. «Полная жизнь» — жизнь, интенсивно проживаемая. В эти мгновения время исчезает. А работа вершится сама, без нашего усилия.

«Просто жить» означает жить присутствуя, то есть не действуя.

* * *

Жизнь, проживаемая как то, что *делается, думается, пишется* и т.д., опрощает феноменальное я. Нет для него других забот, кроме тех, которые происходят *сейчас*, в момент, когда нечто происходит.

Не нужно ничего искать — все уже *здесь*.

* * *

Жизнь-в-присутствии возможна только *сейчас*.

Стоит обратить внимание на это *сейчас* — на то мгновение, когда *пишется* (читается). Не на мгновение раньше, ког-

да *мы* усердно старались думать, или не на мгновение позже, когда *мы* потеряли мысль и вместе с ней равновесие.

В этом *сейчас* все просто.

Мысль присутствует и сама (без нашего усилия) ложится туда, где ей следует быть. Нас ничего не беспокоит: ни отсутствие мысли, ни посторонние желания. Мы абсолютно спокойны, потому что мы — не мысль, но и не тот, кто пишет (читает).

Мы — то, что не-действует.

* * *

Простое и покой суть Одно, неизменное, непространственное, невоспринимаемое.

V

О *простом* следует говорить просто, то есть так, чтобы в сказанном узнавалось то, что и *без нас* известно всем.